

Поэтические страницы

Николай Гумилев:
«*Душа, усталая от фрез...*»

*...Понял теперь я: наша свобода —
Только оттуда бьющий свет...*
Н. Гумилев

*А я уже стою в саду иной земли,
Среди кровавых роз и влажных лилий,
И повествует мне гекзаметром Вергилий
О высшей радости земли.*
Н. Гумилев

На известной фотографии — пара, которую сегодня назвали бы «звездной»: отец, блестящий офицер, мать, чей знаменитый профиль с легкой горбинкой носа нарекли «ахматовским», и маленький мальчик, тепло пригретый меж знаменитыми родителями. Рассказывают, что на вопрос тех, кто пришел к нему с арестом: «Здесь живет поэт Николай Гумилев?», Гумилев-старший ответил: «Здесь живет поручик Николай Гумилев». И его расстреляли. Возможно, если бы он согласился только на звание поэта, то получил бы лагерный срок, и тем бы дело кончилось, но тогда он не был бы человеком, который написал:

*Я — угрюмый и упрямый зодчий
Храма, восстающего во мгле,
Я возревновал о славе Отчей,
Как на небесах и на земле.*

До конца дней своих Николай Гумилев так и остался «конквистадором в железном панцире» с душой «колдовского ребенка», влюбленным в Абиссинию и видящим дальние миры.

То, что поэзия Гумилева рано или поздно получила бы высочайшее признание, — несомненно. Но, кто знает, как скоро бы это случилось, если бы на маленькую книжку — всего 18 стихотворений — не обратил внимания мэтр поэзии Серебряного века, креститель самых изумительных стихотворцев рубежа XIX—XX веков, Валерий Брюсов. Строгий отзыв о первом сборнике «Путь конквистадоров» (1905 г.), который сам Гумилев счел неудачным и более никогда не издавал, мэтр символистов завершил словами: «...в книге есть и несколько прекрасных стихов, действительно удачных образов. Предположим, что она путь нового конквистадора и что его победы и завоевания впереди»¹. За этой рецензией последовала переписка Гумилева с Брюсовым, наставлениям которого на первых порах молодой поэт следовал неукоснительно.

Корифеи первой генерации символистов его отвергли. Бальмонт, с которым после издания первого сборника молодой поэт пытался списаться и встретиться, не соизволил даже ответить на письмо молодого поэта. Белый в мемуарах «Между двух революций» вспоминал о появлении Гумилева в гостиной Мережковских (по протекции Брюсова) с откровенным сарказмом. Гиппиус — та на письменный вопрос Брюсова, встречалась ли она с молодым Гумилевым, раздраженно ответила: «...я была поражена параличом. Двадцать лет, вид бледно-гниной, сентенции старые, как шляпка вдовицы, едущей на Драгомиловское. Нюхает эфир (спохватился!) и говорит, что он один может изменить мир. <...> Я нашла № “Весов” с его стихами, желая хоть гениальностью строк оправдать ваше влечение, и не могла. Неоспоримая дрянь. Даже теперь, теперь, когда так легко и многие пишут хорошие стихи, — выдающаяся дрянь. Чем, о, чем он вас пленил?»²

Пройдет меньше десятилетия, Серебряный век вступит в пору пышного расцвета, и поэт Николай Гумилев с его отточенным, идеальным по строению стихом станет одним из основателей акмеизма. Лев Аннинский в одной из статей пишет: «Он создает “Цех поэтов” и становится его “синдиком”, то есть мастером. В 1913 году в статье “Наследие символизма и акмеизм” он объявляет, что символизм закончил свой “круг развития”. Пришедший ему на смену акмеизм призван очистить поэзию от “мистики” и “туманности”, он должен вернуть слову точное предметное значение, а стиху — “равновесие всех элементов”. Помимо стихов, в которых реализуется эта программа, Гумилев разрабатывает ее в критических статьях — он публикует их непрерывно с 1909 года. <...> Эти статьи представляют собой свод художественных принципов, во многом подкрепивший претензии акмеизма на место в истории русской лирики: акмеизм остается в истории как одно из ярчайших направлений поэзии Серебряного века, противостоящее и символизму с его мистическими туманами, и футуризму с его утопическими проектами. Однако живое и перспективное развитие поэзии определяется не деятельностью тех или иных “цехов”, а судьбой великих поэтов, втянутых в эти “цеха”. В акмеизме это: Гумилев, Ахматова, Мандельштам; в футуризме: Хлебников, Пастернак, Маяковский; в символизме — Блок, внутренней полемикой с которым во многом определяется путь Гумилева»³.

Когда происходит полемика между большими поэтами, — то, в приложении к идее «перспективного развития поэзии», вступает в силу непреложный философский постулат о «единстве и борьбе противоположностей». Павел Николаевич Лукницкий, собравший уникальную коллекцию материалов о Гумилеве, ссылается в своем дневнике на мнение Анны Ахматовой: «Акмеизм — это личные черты Николая Степановича. Чем

¹ Цит. по: Гумилев Н. Золотое сердце России. Сочинения. Кишинев, 1990. С. 6.

² Цит. по: Гумилев Н. Золотое сердце России. С. 8.

³ Аннинский Л. Гумилев Николай Степанович. 1886—1921. The Saint George Journey. Moscow literary edition. Цит. по: www.gumilev.ru

отличаются стихи акмеистов от стихов, скажем, начала XIX века? Какой же это акмеизм? Реакция на символизм, просто потому, что символизм под руки попался. Николай Степанович, — если вчитаться — символист»⁴.

Возможно, желание расширить пространство вокруг себя ведет Гумилева в путешествия, которые в некоторой мере удовлетворяют страстную «охоту к перемене мест», владевшую «царскосельским Киплингем». Но физической оболочке тесно в пределах «мира сего». Зато душа — о, ее полет может быть безграничен!

Упоминаниями о «дальних мирах», «нездешних» образах, «вселенском чувстве Вечности» и прочей космической словесной атрибутикой пользовались — и пользуются — многие. Но далеко не у всех *душевный радар* реально — неподдельно! — настроен и действует на колоссальном, запредельном для общего восприятия радиусе так, что не остается ни тени сомнения: владелец этого душевного устройства действительно *живет* в состоянии непрерывной связи с вселенским пространством, два главных качества которого человеческое сознание вмещает с трудом — Бесконечность и Вечность.

Как все мастера слова, Н.С. Гумилев находил среди бесконечного числа синонимов русской речи единственные, тщательно отобранные слова и созвучья, по которым возможно теперь составить приблизительное представление о том, *что* прозревал он сам. Этим строкам не верить нельзя, — искренность и точность описания видений не подлежат сомнению. Он бывал *там* и видел *то*, чего не видели другие, и потому неприкаянность — крест земной души, постигшей неземное, — была и его крестом в не меньшей мере, чем Пушкина и Верхарна, Брюсова и Блока, Мандельштама и Аполлинера, а до них — Данте, Гете, Шекспира.

*И я из светлого эфира,
Припомнив радости свои,
Опять вернулся в грани мира
На зов тоскующей любви.*

*И я раскинулся цветами.
Прозрачным блеском звонких струй,
Чтоб ароматными устами
Земным вернуть их поцелуй.*

Материальный образ — девы у фонтана среди цветов, небесный — воплощение отлетевшего духа в аромат цветов, плеск сияющей в солнечных лучах водной струи и желание раствориться в грезе. Как еще уйти на время от коллизий плотного мира, где на конечное количество света приходится столько же тьмы, иссушающей душу «скорбным бесчувствием», если следовать формуле, которую напомнил нам Александр Сокуров?

Но — «как бы птица ни любила летать, она не может лететь вечно», — гласит поговорка, и душа действительно способна устать от грез, если обречена бесконечное количество раз возвращаться из эфирного, тонкого мира «на зов тоскующей любви» к земным, которые нуждаются в ее воплощенном присутствии. Из видений того, что христианство называет Царством Божиим, вырастает великолепная высокая философия гумилевского стиха, где открывается библейский Закон Слова, управляющего Началами и Завершениями, из которых составлена Бесконечность.

Цивилизация возникла с началом формирования земного мира в присутствии Homo sapiens, как результат материального освоения им окружающего пространства. С возникновением у человека эмоциональной реакции на мир появилась культура. Раздел между ними, вначале едва заметный, рос и углублялся. К началу XX века в западном геопространстве раздел превратился в пропасть, и цивилизация, чей признак — число, окончательно получила приоритет над культурой в человеческом сознании. Признак культуры — образ, воплощенный Словом Властвующим и Созидающим, божествен-

⁴ Лукницкая В.К. Материалы к биографии Н. Гумилева / Николай Гумилев. Стихи. Поэмы. Тбилиси, 1989. С. 55.

ным инструментом Его замыслов, мертвеет, и творческое вдохновение теряет власть над угловатой силой структурированного расчета.

Гумилевское стихотворение «Слово» звучит как горькое пророчество, потрясающее каждого, кто способен оценить эсхатологическое чутье поэта. Евангельская реминисценция («...Слово было Бог...») соединяется с личным предвидением горькой перспективы, ожидающей мир сей, если он допустит гибель Слова как творящей силы. Поэт устанавливает числу его место: «домашний, подъяремный скот», но предупреждает о его опасных качествах. Разум — от лукавого, и потому «патриарх седой себе под руку покоривший и добро и зло» молча чертит числа на песке, не решаясь произнести их имена вслух. Это знаки мира нижнего, ими объясняется тот, о ком говорят «не к ночи будь помянут».

Слово потеряло Божественную однозначность, тлен коснулся его, превратил в серый прах, и Гумилев свое «слово о Слове» заканчивает со страдальческой прямоотой:

*Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что Слово — это Бог.*

*Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества.
И, как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова.*

Слово — розовое пламя. Слово — осиянно. Словом останавливают Солнце, и пред ним трепещут светила. Когда Божественная суть покидает его, остается лишь бессмысленное жужжание. Так оно, слово, — истинное, красивое, выразительное, творческое, — уходит из нашего обихода. Ему на смену является бездушное, циничное и вульгарное арго, несущее в себе уродливый конгломерат представлений и пристрастий современного общества, где к слову *культура* приделано губительное определение «массовая».

Как получилось, что написанное век назад с полным подобием определяет то, что происходит сегодня в обществе? Ответ один — эсхатологические предчувствия закономерны, как природная данность. В чуткое сердце владеющего словом как инструментом созидания бьется будущий пепел еще не воплощенных времен.

Гумилевский стих, его стройный лад, воспитанный с гимназических времен педагогом-словесником и поэтом И.Ф. Анненским, отточенный В.Я. Брюсовым, архитектурно выверенный традицией, уравновешен глубиной множественных символов, заключенных в каждой строке «Слова». Приоритеты жестко расставлены по местам. Гумилев беспощаден и не оставляет ни малейших надежд на благостный исход, если мир не одумается и не сделает иного выбора.

Каждое из стихотворений Гумилева полно философского богатства, которое дает предмет для глубочайших размышлений. Магия и мистика путешествия в «Заблудившемся трамвае», горькие и сочувственные строки поэзии военных лет («Память»), и — внезапный взлет к неведомому:

*Мне все открыто в этом мире —
И ночи тень, и солнца свет.
И в торжествующем эфире
Мерцанье ласковых планет.*

Эти картины, которые открываются тем, кто одарен — к счастью или, напротив? — особой, подчас болезненной остротой *духовного* зрения, откуда они приходили к нему? Где увидел он фантастику венерианскую и услышал поступь великолепной и царственной марсианки, пока еще не родившейся из-под пера другого

мечтателя начала прошлого века? Почему в стихотворении «Прапамять» он узнает себя, русского офицера, в древнем индийце, «задремавшем в день праздника у тихого ручья»?

Не отражается в человеческом сознании ничто, чего не существовало бы в Космосе. Самое сложное — удержаться на грани между изведанным всеми живущими и ведомым лишь избранным душам, и тяжек возврат из светлого эфира, отрыв от чистого пламени, о котором Гумилев напишет:

*Еще не раз вы вспомните меня
И весь мой мир волнующий и странный,
Нелепый мир из песен и огня.
Но меж других единый необманный.*

В поэзии Гумилева есть редкое качество — жесткий радикализм оценок, непреходящий спутник души страдающей и бесконечно усталой от отчаяния земного непонимания. Но неприкаянность, одиночество, даже среди самых близких, — это и тяжкое бремя, и великое благо. Они — свидетельство зова в дали, где «вспыхнет радуга созвучий над царством вечной пустоты», в *мир иной* с его «грубостью и прелестью», откуда приходят к поэту Святой Пантелеймон-целитель, Святой Георгий-воин, и Он, с лицом, укрытым от суетного любопытства.

...Почему все-таки в час ареста Гумилев произнес именно те слова, которые — он не мог этого не понимать — будут стоять ему жизни? Может, потому, что душа, усталая от грез, возжелала ухода? Возможно, Космос, уже ведомый поэту, ждал его возвращения навсегда, ибо с повествовательной убежденностью звучат дивные строки, исполненные ностальгии по Вселенной:

*...И тогда повеет ветер странный
И прольется с неба страшный свет.
Это Млечный путь расцвел неожиданно
Садом ослепительных планет...*

К моменту гибели Николаю Гумилеву исполнилось 35 лет. Зрелости каждого его произведения, полноте духа и ясной мудрости написанного им остается только с трепетом изумляться. Он *видел* Космос (тогда как большинство иных только подразумевали то, что там может быть) и, что несомненно, — *знал* Бога так, как знали его немногие, потому что не всем дается написать:

*Предо мною станет, мне неведом,
Путник скрыв лицо; но все пойму,
Видя льва, стремящегося следом,
И орла, летящего к нему...*

Поэзия Гумилева сегодня до конца не оценена, не раскрыта и не осмыслена полностью. Кто-то когда-то расшифрует символы словесных знаков, заключенных в ней. И когда это произойдет, мир обретет иного Гумилева — философа, вестника поэтического Космоса, художника, рисующего словом иномирие и достаточно знающего о законах эволюции души, чтобы написать об этом с божественной и художественной ясностью:

*Так век за веком — скоро ли, Господь? —
Под скальпелем природы и искусства
Кричит наш дух, изнемогает плоть,
Рождая орган для шестого чувства.*

Это будет. А пока — вот она, открытая нам поэзия сердца, «возревновавшего о славе Отчей...»

Е. Прокопенко

***

Когда из темной бездны жизни
Мой гордый дух летел, прозрев,
Звучал на похоронный тризне
Печально-сладостный напев.

И в звуках этого напева,
На мраморный склоняясь гроб,
Лобзали горестные девы
Мои уста и бледный лоб.

И я из светлого эфира,
Припомнив радости свои,
Опять вернулся в грани мира
На зов тоскующей любви.

И я раскинулся цветами,
Прозрачным блеском звонких струй,
Чтоб ароматными устами
Земным вернуть их поцелуй.

Людям настоящего

Для чего мы не означим
Наших дум горячей дрожью,
Наполняем воздух плачем,
Снами, смешанными с ложью,

Для того ль, чтоб бесполезно,
Без блаженства, без печали
Между Временем и Бездной
Начертить свои спирали.

Для того ли, чтоб во мраке,
Полным снов и изобилья,
Бросить тягостные знаки
Утомленья и бессилья.

И когда сойдутся в храме
Сонмы радостных видений,
Быть тяжелыми камнями
Для грядущих поколений.

Людям будущего

Издавна люди уважали
Одно старинное звено,
На их написано скрижали:

Любовь и Жизнь — одно.
Но вы не люди, вы живете,
Стрелой мечты вонзаясь в твердь,
Вы слейте в радостном полете
Любовь и Смерть.

Издавна люди говорили,
Что все они, созданья пыли,
Родились и умрут в пыли.
Но ваша светлая беспечность
Зажглась безумным пеньем лир.
Невестой вашей будет Вечность,
А храмом — мир.

Все люди верили глубоко,
Что надо жить, любить шутя
И что жена — дитя порока,
Стократ нечистое дитя.
Но вам бегущие години
Несли иной, нездешний звук,
И вы возьмете на Вершины
Своих подруг.

Пророки

И ныне есть еще пророки,
Хотя упали алтари,
Их очи ясны и глубоки
Грядущим пламенем зари.

Но им так чужд призыв победный,
Их давит власть бездонных слов,
Они запуганны и бледны
В громадах каменных домов.

И иногда в печали бурной
Пророк, не признанный у нас,
Подъемлет к небу взор лазурный
Своих лучистых, ясных глаз.

Он говорит, что он безумный,
Но что душа его свята,
Что он, в печали многодумной,
Увидел светлый лик Христа.

Мечты Господни многооки,
Рука Дающего щедра,
И есть еще, как он, пророки —
Святые рыцари добра.

Он говорит, что мир не страшен,
Что он Зари Грядущей князь...
Но только духи темных башен
Те речи слушают, смеясь.

Credo

Откуда я пришел, не знаю...
Не знаю я, куда уйду,
Когда победно отблистаю
В моем сверкающем саду.

Когда исполнюсь красою,
Когда наскучу лаской роз,
Когда запросится к покою
Душа, усталая от грез.

Но я живу, как пляска теней
В предсмертный час больного дня,
Я полон тайною мгновений
И красной чарою огня.

Мне все открыто в этом мире —
И ночи тень, и солнца свет,
И в торжествующем эфире
Мерцанье ласковых планет.

Я не ищу больного знания,
Зачем, откуда я иду;
Я знаю, было там сверканье
Звезды, лобзающей звезду.

Я знаю, там звенело пенье
Перед престолом красоты,
Когда сплетались, как виденья,
Святые белые цветы.

И жарким сердцем веря чуду,
Поняв воздушный небосклон,
В каких пределах я ни буду,
На все наброшу я свой сон.

Всегда живой, всегда могучий,
Влюбленный в чары красоты.
И вспыхнет радуга созвучий
Над царством вечной пустоты.

* * *

Иногда я бываю печален,
Я, забытый, покинутый Бог,
Созидающий в груде развалин
Старых храмов — грядущий чертог.

Трудно храмы воздвигнуть из пепла,
И бескровные шепчут уста:
Не навек ли сгорела, ослепла
Вековая, Святая Мечта.

И тогда надо мною неясно,
Где-то там, в высоте голубой,
Чей-то голос порывисто-страстный
Говорит о борьбе мировой.

«Брат усталый и бледный, трудися!
Принеси себя в жертву земле,
Если хочешь, чтоб горные выси
Загорелись в полуночной мгле.

Если хочешь ты яркие дали
Развернуть пред больными людьми,
Дни безмолвной и жгучей печали
В свое мощное сердце возьми.

Жертвой будь голубой, предрассветной...
В темных безднах беззвучно сори...
...И ты будешь Звездой Обетной,
Возвещающей близость зари».

Вечное

Я в коридоре дней сомкнутых,
Где даже небо — тяжкий гнет,
Смотрю в века, живу в минутах,
Но жду Субботы из Суббот;

Конца тревогам и удачам,
Слепым блужданием души...
О день, когда я буду зрячим
И странно знающим, спеши!

Я душу обрету иную,
Все, что дразнило, улова.
Благословлю я золотую
Дорогу к солнцу от червя.

И тот, кто шел со мною рядом
В громах и кроткой тишине,
Что был жесток к моим усладам
И ясно милостив к вине;

Учил молчать, учил бороться,
Всея древней мудрости земли —
Положит посох, обернется
И скажет просто: «Мы пришли».

Наступление

(Из стихотворения «Память»)

Та страна, что могла быть раем,
Стала логовищем огня.
Мы четвертый день наступаем,
Мы не ели четыре дня.

Но не надо яства земного
В этот страшный и светлый час,
Оттого, что Господне слово
Лучше хлеба питает нас.

И залитые кровью недели
Ослепительны и легки,
Надо мною рвутся шрапнели,
Птиц быстрее взлетают клинки.

Я кричу и мой голос дикий,
Это медь ударяет в медь,
Я, носитель мысли великой,
Не могу, не могу умереть.

Словно молоты громовые
Или воды гневных морей,
Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей.

И так сладко рядить Победу,
Словно девушку, в жемчуга,
Проходя по дымному следу
Отступающего врага.

Видение

Лежал истомленный на ложе болезни
(Что горше, что тягостней ложа болезни?),
И вдруг загорелись усталые очи,
Он видит, он слышит в священном восторге —
Выходят из мрака, выходят из ночи
Святой Пантелеймон и воин Георгий.

Вот речь начинает святой Пантелеймон
(Так сладко, когда говорит Пантелеймон):
«Бессонны твои покрасневшие вежды,
Пылает и душит твое изголовье,
Но я прикоснусь к тебе краем одежды
И в жилы пролью золотое здоровье».

И другу вослед выступает Георгий
(Как трубы победы, вещает Георгий):
«От битв отрекаясь, ты жаждал спасенья,
Но сильного слезы пред Богом не правы,
И Бог не слышал твоего отреченья,
Ты встанешь завтра, и встанешь для славы».

И скрылись, как два исчезающих света
(Средь мрака ночного два яркие света),
Растущего дня надвигается шорох,
Вот солнце сверкнуло, и встал истомленный
С надменной улыбкой, с весельем во взорах
И с сердцем, открытым для жизни бездонной.

* * *

Я не прожил, я протомился
Половину жизни земной,
И, Господь, вот Ты мне явился
Невозможной такой мечтой.

Вижу свет на горе Фаворе
И безумно тоскую я,
Что взлюбил и сушу, и море,
Весь дремучий сон бытия;

Что моя молодая сила
Не смирилась перед Твоей,
Что так больно сердце томила
Красота Твоих дочерей.

Но любовь разве цветик алый,
Чтобы ей лишь мгновенье жить,
Но любовь разве пламень малый,
Что ее легко погасить?

С этой тихой и грустной думой
Как-нибудь я жизнь дотяну,
А о будущей Ты подумай,
Я и так погубил одну.

Я и Вы

Да, я знаю, я вам не пара,
Я пришел из иной страны,
И мне нравится не гитара,
А дикарский напев зурны.

Не по залам и по салонам
Темным платьям и пиджакам —
Я читаю стихи драконам,
Водопадам и облакам.

Я люблю — как араб в пустыне
Припадает к воде и пьет,
А не рыцарем на картине,
Что на звезды смотрит и ждет.

И умру я не на постели,
При нотариусе и враче,
А в какой-нибудь дикой щели,
Утонувшей в густом плюще,

Чтоб войти не во всем открытый,
Протестантский, прибранный рай,
А туда, где разбойник, мытарь
И блудница крикнут: «Вставай!»

Евангелическая церковь

Тот дом был красная, слепая,
Остроконечная стена.
И только наверху, сверкая,
Два узких виделись окна.

Я дверь толкнул. Мне ясно было,
Здесь не откажут пришлецу,
Так может мертвый лечь в могилу,
Так может сын войти к отцу.

Дрожал вверху под самым сводом
Неясный остов корабля,
Который плыл по бурным водам
С надежным кормчим у руля.

А снизу шум вносился многий,
То пела за скамьей скамья,
И был пред ними некто строгий,
Читавший книгу Бытия.

И в тот же самый миг безмерность
Мне в грудь плеснула, как волна,
И понял я, что достоверность
Теперь навек обречена.

Когда я вышел, увидали
Мои глаза, что мир стал нем,
Предметы мира убегали,
Их будто не было совсем.

И только на заре слепящей,
Где небом кончилась земля,
Призывно реял уходящий
Флаг неземного корабля.

Песнь Заратустры

Юные, светлые братья
Силы, восторга, мечты,
Вам раскрываю объятья,
Сын голубой высоты.

Тени, кресты и могилы
Скрылись в загадочной мгле,
Свет воскресающей силы
Властно царит на земле.

Кольца роскошные мчатся,
Ярок восторг высоты;
Будем мы вечно встречаться
В вечном блаженстве мечты.

Жаркое сердце поэта
Блещет, как звонкая сталь.
Горе, не знающим света!
Горе, обнявшим печаль!

* * *

На далекой звезде Венере
Солнце пламенной и золотистой,
На Венере, ах, на Венере
У деревьев синие листья.

Всюду вольные звонкие воды,
Реки, гейзеры, водопады
Распевают в полдень песнь свободы,
Ночью пламенеют, как лампы.

На Венере, ах, на Венере
Нету слов обидных или властных,
Говорят ангелы на Венере
Языком из одних только гласных.

Если скажут «еа» и «аи» —
Это радостное обещанье,
«Уо», «ао» — о древнем рае
Золотое воспоминанье.

На Венере, ах, на Венере
Нету смерти терпкой и душевной,
Если умирают на Венере —
Превращаются в пар воздушный.

И блуждают золотые дымы
В синих, синих вечерних куцах,
Иль, как радостные пилигримы,
Навещают еще живущих.

***

...Я — угрюмый и упрямый зодчий
Храма, восстающего во мгле,
Я возревновал о славе Отчей,
Как на небесах, и на земле.

Сердце будет пламенем палимо
Вплоть до дня, когда взойдут, ясны,
Стены Нового Иерусалима
На полях моей родной страны.

И тогда повеет ветер странный
И прольется с неба страшный свет,
Это Млечный Путь расцвел неожиданно
Садом ослепительных планет.

Предо мной предстанет, мне неведом,
Путник, скрыв лицо; но все пойму,
Видя льва, стремящегося следом,
И орла, летящего к нему...

Молитва мастеров

Я помню древнюю молитву мастеров:
Храни нас, Господи, от тех учеников,

Которые хотят, чтоб наш убогий гений
Кощунственно искал всё новых откровений.

Нам может нравиться прямой и честный враг,
Но эти каждый наш выслеживают шаг.

Их радует, что мы в борении, покуда
Петр отрывается и предает Иуда.

Лишь небу ведомы пределы наших сил,
Потомством взвесится, кто сколько утаил.

Что создадим мы впредь, на это власть Господня,
Но что мы создали, то с нами посегодня.

Всем оскорбителям мы говорим привет,
Превозносителям мы отвечаем — нет!

Упреки льстивые и гул молвы хвалебный
Равно для творческой святости непотребны.

Вам стыдно мастера дурманить беленой,
Как карфагенского слона перед войной.

Второй год

И год второй к концу склоняется,
Но так же реют знамена,
И так же буйно издевается
Над нашей мудростью война.

Вслед за ее крылатым гением,
Всегда играющим вничью,
С победной музыкой и пением
Войдут войска в столицу. Чью?

И сосчитают ли потопленных
Во время трудных переправ,
Забывших на полях потоптанных,
И громких в летописи слав?

Иль зори будущие, ясные
Увидят мир таким, как встарь,
Огромные гвоздики красные
И на гвоздиках спит дикарь;

Чудовищ слышны ревы лирные,
Вдруг хлещут бешено дожди,
И всё затягивают жирные
Светло-зеленые хвощи.

Не всё ль равно? Пусть время катится,
Мы поняли тебя, земля!
Ты только хмурая привратница
У входа в Божие Поля.

Трапеза

И вот вся жизнь! Круженье, пенье,
Моря, пустыни, города,
Мелькающее отраженье
Потерянного навсегда.

Бушует пламя, трубят трубы,
И кони рыжие летят,
Потом волнующие губы
О счастье, кажется, твердят.

И вот опять восторг и горе,
Опять, как прежде, как всегда,
Седую гривой машет море,
Встают пустыни, города.

Когда же, наконец, восставши
От сна, я буду снова я, —
Простой индеец, задремавший
В священный вечер у ручья?

Слово

В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.

И орел не взмахивал крылами,
Звезды жались в ужасе к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине.

А для низкой жизни были числа,
Как домашний, подъяремный скот,
Потому что все оттенки смысла
Умное число передает.

Патриарх седой, себе под руку
Покоривший и добро и зло,
Не решаясь обратиться к звуку,
Тростью на песке чертил число.

Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что Слово это — Бог.

Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества.
И, как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова.

Все ясно для чистого взора

Всё ясно для чистого взора:
И царский венец, и суму,
Суму нищеты и позора, —
Я всё беспечально возьму.

Пойду я в далекие рощи,
В забытый хозяином сад,
Чтоб ельник корявый и тощий
Внезапно обрадовал взгляд.

Там брошу лохмотья и лягу
И буду во сне королем,
А люди увидят бродягу
С бескровно-землистым лицом.

Я знаю, что я зачарован
Заклятьем сумы и венца,
И если б я был коронован,
Мне снилась бы степь без конца.

* * *

Еще не раз вы вспомните меня
И весь мой мир волнующий и странный,
Нелепый мир из песен и огня,
Но меж других единый необманный.

Он мог стать вашим тоже и не стал,
Его вам было мало или много,
Должно быть, плохо я стихи писал
И вас несправедно просил у Бога.

Но каждый раз вы склонитесь без сил
И скажете: «Я вспоминать не смею.
Ведь мир иной меня обворожил
Простой и грубой прелестью своею».

Шестое чувство

Прекрасно в нас влюбленное вино
И добрый хлеб, что в печь для нас садится,
И женщина, которою дано,
Сперва, измучившись, нам насладиться.

Но что нам делать с розовой зарей
Над холодеющими небесами,
Где тишина и неземной покой,
Что делать нам с бессмертными стихами?

Ни съесть, ни выпить, ни поцеловать,
Мгновение бежит неудержимо,
И мы ломаем руки, но опять
Осуждены идти все мимо, мимо.

Как мальчик, игры позабыв свои,
Следит порой за девичьим купаньем,
И, ничего не зная о любви,
Все ж мучиться таинственным желаньем;

Как некогда в разросшихся хвощах
Ревела от сознания бессилья
Тварь скользкая, почуя на плечах
Еще не появившиеся крылья, —

Так век за веком — скоро ли, Господь? —
Под скальпелем природы и искусства
Кричит наш дух, изнемогает плоть,
Рождая орган для шестого чувства.